

мельченность в трактовке лиц позволяет думать, что он принадлежал к так называемой «годуновской» школе живописи.

В торжественной композиции, сочетающейся здесь с роскошью тканей и жемчуга, нашли отражение живые черты придворного блеска московского двора этого времени. Образы всевластного «царя царем» и гордой «царицы небесной», воплощавшие идеальные представления людей XVI в. о самодержавном государе, как нельзя более соответствовали стремлению Бориса Годунова утвердить в умах современников авторитет своей династии, причем утверждался авторитет не только наследника престола — царевича Федора, но и «дщери» царя. Имя «благоверной царевны Ксении Борисовны» упоминается во всех документах, касающихся венчания на царство Бориса Федоровича,⁷¹ в некоторых жалованных грамотах⁷² и вкладных надписях.⁷³ Ее тезоименная святая «Ксения Римлянина» изображается на заказываемых Борисом Годуновым произведениях.

Ксения как член династии была представлена народу в первый же день воцарения Бориса. После литургии в Успенском соборе царь обходил все главные церкви Кремля и вступил в царские палаты, «держа за руку своего юного наследника, а другою ведя прелестную Ксению».⁷⁴ Это стремление сказывалось и в поисках невесты сыну и жениха дочери среди родственников иностранных государей, и в роскоши царского двора, и в щедрости даров Бориса Годунова в монастыри и церкви, причем в большинстве случаев эти дары посылались от всех членов семьи, в том числе и от царевны Ксении.⁷⁵

Оба произведения, приписываемые Ксении, исполнены в традициях годуновской «светлицы», которая была одной из лучших мастерских художественного шитья конца XVI—начала XVII в. Для этой светлицы характерно большое техническое совершенство исполнения, при котором плотные, аккуратные стежки способствуют выявлению рисунка, даваемого всегда хорошим художником. Вместе с тем здесь отсутствуют живописность и мягкость в трактовке образа, еще встречающиеся в шитьях произведениях второй половины XVI в. Появляются некоторая жесткость и натуралистичность, в значительной степени зависящие от преобладания золотого шитья и жемчуга. Следует отметить, что в произведениях, выполненных до восшествия Бориса на престол, жемчуга и камней еще мало, а в шитье преобладают коричневые тона. Вещи же царского периода, обильно украшенные жемчугом и серебряными дробницами, кажутся ювелирными изделиями.

Индития «Предста царица» выгодно выделяется среди других произведений годуновской «светлицы» не только техническим и художественным мастерством и роскошью материала, но и необычайной выразительностью композиции и индивидуальностью в трактовке ликов. Создается впечатление, что вышивальщица вложила в свое произведение все свои способности и чувства, всю свою душу.

Произведения искусства особенно ярко и глубоко воспринимаются нами, когда мы знаем историческую обстановку, в которой они сложились, мысли и чувства художника, создавшего их. В данном же случае — редкий

⁷¹ ДАИ, т. I, СПб., 1846, № 239; ААЭ, т. II, СПб., 1836, № 1, № 6.

⁷² См., например, №№ 146 и 148 (ДАИ, т. I).

⁷³ Например, на «жемчужной» пелене Загорского музея.

⁷⁴ Карамзин, т. XI, стр. 9 (не ссылается на источник).

⁷⁵ Иногда же дары ее особо выделялись. Так, в письме иерусалимскому патриарху Софронию в 1589 г. Борис писал: «...и дочь моя Аксинья тебе великому господину и государю челом бьет икону Спасов образ да ширинку» (Древняя Российская Вифлиофика, ч. XII, М., 1789, стр. 414).